

- ¹¹⁰ Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 31.
¹¹¹ Удальцов А. Д. Теоретические основы ... С. 261.
¹¹² Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 31.
¹¹³ Чебоксаров Н. И. Этническая антропология Германии//КСИЭ. 1944. Вып. 1.
¹¹⁴ КСИЭ. 1950. Вып. 12.
¹¹⁵ Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 4; Смирнов А. П. Древнейшее население на территории Чувашии//Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 49.
¹¹⁶ Valint C. Some Ethnospecific Features in Central and Eastern European Archaeology during the Early Middle Ages: the Case of Avars and Hungarians//Archaeological Approaches to Cultural Identity. L., 1989. P. 191.
¹¹⁷ Толстов С. П. Из предыстории ... С. 49.
¹¹⁸ Там же. С. 53.
¹¹⁹ Память. 1992. Июнь. Прилож. 5.
¹²⁰ Соловей В. Д. «Память»: история, идеология, политическая практика//Русское дело сегодня. Кн. 1. М., 1991. С. 82.
¹²¹ Толстов С. П. Древнейшая история ... С. 122.
¹²² Шнирельман В. А. Наука об этногенезе как мифотворчество. Доклад, прочитанный на научной конференции «Миф и современность» 8 декабря 1992 г. Москва, Рос. гос. гуманитар. ин-т.
¹²³ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении восточных славян//Вопр. истории. 1948. № 9. Его же. Происхождение славян.
¹²⁴ Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л., 1954.
¹²⁵ Артамонов М. И. Славяне и Русь//Научная сессия 1955—1956 гг. в ЛГУ. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л., 1956.
¹²⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948.
¹²⁷ Монгайт А. Л. Обсуждение ...; Федоров Г. В. Обсуждение ...
¹²⁸ Ethics and the Profession of Anthropology/Ed. Fluehr-Lobban C. Philadelphia, 1991.

A Poor Fate of the Discipline: Ethnogenetic Studies and Stalin's Ethnic Policy

Why ethnogenetic studies were so much overstressed in the USSR in recent decades? An author treats this issue as an ethnopolitical rather than pure academic one. Ethnogenetic studies were forbidden in the USSR in early 1930's when internationalist ideology predominated. That time the students had to stress autochthonous evolution in any given area: the concepts of homeland, mother tongue and migrations were rejected. The situation has changed since mid-1930's, when the national politics were reversed for the sake of Soviet, or Russian, nationalism. This involved academics into endless debates on the nature of archaeological cultures, on the homelands of various ethnic communities, on the deepness of their roots on their modern territories. The author especially analyses a problem of Slavic, or Russian, ethnogenesis as it was presented in Soviet studies from late 1930's till early 1950's in response to German «ethnogenetic expansion».

V. A. Shnirelman

© 1993 г., ЭО, № 3

В. Я. Петрухин

ВАРЯГИ И ХАЗАРЫ
 В ИСТОРИИ РУСИ

Варяги и хазары стали вечными «полюсами» русской истории, воплощающими Запад и Восток, «заморские страны» и евразийские степи. В историографии всегда существовали и полярные оценки их роли в русской истории, советская же историография периода борьбы с космополитизмом усугубила эту ситуацию. Роль варягов (особенно в работах Б. А. Рыбакова) была низведена с позиций основателей русского государства (у летописца) до функции участников авантюрного сюжета о шайке норманнов, обманом захватившей на короткое время Киев;

Хазарскому каганату также была отведена функция мелкого паразитического ханства, сдерживающего рост прогрессивного Древнерусского государства. Исконная Русь — богатырский народ, обитающий в Среднем Поднепровье с VI в. — превозмог эти напасти, разгромив хазар и избавившись от варягов. В появившихся на основе этой традиции литературе, особенно популярной, Хазария приобретает черты чуть ли не метафизического царства зла, носителя «ига», более страшного, чем татарское (ср. недавнюю дискуссию в журнале «Вопросы литературы») ¹, а Русь становится жертвой варяжско-хазарского заговора (Л. Н. Гумилев).

Ситуация начинает меняться ныне, с возвратом к углубленным методам источниковедения (см. из последних работ книгу А. П. Новосельцева ² и др.). Выясняется, в частности, что поиски «исконной» Руси в Среднем Поднепровье, якобы упомянутой у сирийского автора VI в. Захарии Ритора, неосновательны, так как в этом сочинении народ «ерос» (мужчины с такими огромными конечностями, что их не могут носить кони) помещен рядом с женским народом амазонок, карликами и даже псоглавцами. «Субстрат», как видим, самый неблагоприятный для этногенеза русского народа, но вполне традиционный для раннеисторических описаний края ойкумены, где должны были обитать народы-монстры ³. Вместе с тем ясно, что поиски реального соотношения понятий «варяги» и «русь» возможны лишь при дальнейшем изучении летописи, а не ее игнорировании и подборе любых подходящих по созвучию этнонимов — лишь бы они не были «варяжскими». В современную историографию возвращается ошельмованная, но никем не опровергнутая (после работ В. Томсена и М. Фасмера) скандинавская — «варяжская» этимология названия «русь» ⁴. «Русью» назывались дружины первых русских князей (IX — первой половины X в.), состоявшие по преимуществу из норманнов (варягов русской летописи); с этими дружинами, как показал еще В. О. Ключевский, название «русь» распространилось на подвластную этим князьям территорию — Русскую землю — и ее население — «русских людей», в основном восточных славян.

Сейчас более, чем когда бы то ни было, ясно, что проблема взаимодействия разных этносов — не праздная, тем более, что она относится к началу истории народа и его государства: история дает уроки их созидательного взаимодействия и выхода из конфликтных ситуаций. Это достаточно хорошо осознавал уже первый русский историк — летописец Нестор, составивший «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ).

«Экспозиция» русской истории изображается Нестором в виде конфликтной ситуации — угнетения племен Восточной Европы (будущей Руси) варягами и хазарами. В 859 г. «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А козари имаху на полянех, на северех и на вятичех...» ⁵. Конечно, первые летописные даты условны (как показал еще А. А. Шахматов), но современная археология (и нумизматика) в принципе подтверждает вероятность варяжской дани на севере Восточной Европы — вплоть до мерянской земли — в первой половине IX в. ⁶ Что же касается хазарской дани, то ее датировать сложнее: летопись передает во вводной (недатированной) части легенду о дани с полян, которую взяли хазары, подошедшие к Днепру (ПВЛ. Ч. I. С. 16). Возможности для реконструкции ранних славяно-хазарских отношений дает археология, в частности изучение так называемых древностей антов — «кладов» серебряных и других украшений, конского снаряжения, иногда оружия VII—VIII вв. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что ареал этих «кладов» совпадает в целом с границами той области в Среднем Поднепровье, которая в эпоху раздробленности (XII—XIII вв.) называлась Русской землей в узком смысле, и поспешил переименовать их в «древности русов» ⁷. Этническая принадлежность «кладов» и даже их значение (в большинстве случаев это случайные находки, которые могли происходить из разрушенных погребений) неясны; точнее, эти «клады» отражают складывающуюся в лесостепной полосе полиэтничную «дружинную культуру» (термин Б. А. Рыбакова), включают вещи боспорского производства и др.

Г. Ф. Корзухина отметила, что распространение этих «кладов» синхронно распространению хазарского господства в степях Восточной Европы⁸. Наконец, самые крупные сокровища Среднего Поднепровья — у Вознесенки, Малой Перешепины (а также у Глудос) — получили вполне определенную этнокультурную атрибуцию в работе А. К. Амброза⁹: это остатки погребальных храмов, имеющих аналогии в Центральной Азии (храм Кюль-Тегина) и на Северном Кавказе и принадлежащих хазарам, возможно, роду кагана (правлящий хазарский род Ашина имел центральноазиатское происхождение).

А. Н. Насонов в специальном исследовании показал, что Русская земля в узком смысле — область Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств — действительно складывалась в пределах племенных территорий, с которых брали (по летописи) дань хазары¹⁰. О тяжести этой дани («по беле и веверице от дыма») можно строить предположения, но ныне исследователи в целом согласны с В. О. Ключевским, что «хазарское иго» способствовало расцвету славянской культуры в Среднем Поднепровье, так как славяне были избавлены от набегов степняков¹¹. Вместе с тем название «Русская земля» связано с проблемой происхождения имени «Русь» и, если опираться на первоисточники (прежде всего летопись), с деятельностью варягов.

Летопись не случайно начинает русскую историю с описания сфер влияния варягов и хазар в Восточной Европе: активность тех и других безусловно должна была привести к столкновению их интересов. Дружины руси (*ар-рус* восточных источников) не только ищут богатств в Восточной Европе и доступа к арабскому серебру (с рубежа VIII и IX вв. оно почти непрерывным потоком движется через Восточную Европу с Дона на Оку, Верхнюю Волгу и Волхов, в Ладогу и далее на Балтику): их предводители уже в IX в. претендуют на хазарский титул «каган» (*хакан*)¹². Источники IX в., описывающие ситуацию в Восточной Европе, начиная с Баварского географа, упоминают русь (*Ruzzi*) рядом с хазарами¹³; в послании Людовика Немецкого византийскому императору Василию I (871 г.) перечисляются народы, правители которых носят титул хакан — авары, норманны (*Nortmanni*), хазары, болгары (дунайские); в норманнах исследователи видят русь¹⁴. Существенно, что соседство руси (норманнов) и хазар в последнем списке имеет не столько географический, сколько политический смысл: русь претендовала на роль, равную хазарам, — в целом эта ситуация близка той, что описана в ПВЛ (под 859 г. и далее).

Хазары пропускали дружины руси, идущие по «реке славян» (Танаису — Дону?)¹⁵ через территорию каганата, взимая с них десятину (по данным Ибн Хордадбега), но русь, очевидно, искала и иные пути, в том числе в Византию и Европу. Самое раннее и знаменитое свидетельство таких поисков — известие Бертинских анналов о народе рос (*Rhos*), послы которого пришли из Византии в Ингельгейм к франкскому императору Людовику Благочестивому в 839 г. Людовик постоянно вынужден был отражать набеги викингов и заподозрил в послых разведчиков — те действительно оказались «из рода свеонов»¹⁶. Принято почему-то считать, что эти послы прибыли из Киева, хотя для этого нет никаких данных; напротив, известия о том, что их путь в Константинополь претраждали «бесчеловечные и дикие племена» (венгры?) и поэтому русь должна искать другую дорогу домой (через Западную Европу!), могут свидетельствовать о том, что путь из варяг в греки еще не функционировал. В Киеве нет ранних монетных кладов (IX в.), нет и ранних скандинавских комплексов находок — с середины VIII в. они сосредоточиваются в Ладоге, позднее — в начале IX в. — на небольших поселениях по Волхову¹⁷, на Сарском городище, в земле летописной мери, т. е. на севере Восточной Европы, но не на юге: эти данные соответствуют летописным. Видимо, лишь отдельные отряды норманнов проникают в глубь Восточной Европы, прорываются на Ближний Восток и во владения Византии: поход первой половины IX в. на Сурож, по «Житию Стефана Сурожского», совершен из Новгорода.

Историческая ситуация изменяется после событий, происшедших на севере Восточной Европы и получивших в русской традиции наименование «призвание

варягов». В 862 г., по летописи, происходит конфликт местных племен с варягами, собиравшими дань; варягов изгоняют за море, но среди восставших начинается усобица — «не было среди них п р а в д ы». Тогда они решают призвать к «себе князя, который бы владел нами и судил по п р а в у» — «п о р я д у» (добавлено в Ипатьевском варианте легенды о призвании). Чудь, словене, кривичи «и все» обращаются к варягам, а именно к руси, как уточняет летописец, со знаменитыми словами призвания; далее следует мотив прихода трех братьев-князей с их родами и «всей русью».

Как ни относиться к достоверности легенды (с точки зрения современного историка), очевидно, во-первых, что в ней доминируют фольклорные мотивы (которые ряд исследователей неубедительно пытался приписать тенденциозному сочинительству русского книжника), в том числе конфликт и его преодоление — установление порядка, п р а в д ы (традиционный для обычного, в том числе славянского, права мотив¹⁸). Во-вторых, фольклорные мотивы и формулы в дописьменную эпоху русской истории играли гораздо более существенную роль в процессе становления государства, чем в эпоху существования письменных «уставов» и «правд»: устный «ряд» (договор), заключенный с призванными князьями¹⁹, стал основой для развития дальнейших отношений княжеской власти со славянскими и другими племенами. «Вся русь», поименованная в ряде, — это княжеская дружина: в договоре Святослава с греками (971 г.) упоминаются «боляре и русь вся», как войско — одна из договаривающихся сторон; в более поздних текстах употребляется формула «боляре и дружина вся»; в Новгородской Первой летописи в тексте легенды о призвании варягов слова «вся русь» заменены на фразу «дружина многа и предивна»²⁰. В. Л. Янин при устном обсуждении этих исторических сюжетов предположил, что именно княжеская дружина и была в IX—X вв. хранительницей традиций «ряда» со славянскими племенами. Во всяком случае, в результате «ряда» с призванными князьями и дружиной должны были быть определены города, данные этой дружине «на покорм»: по летописцу, первые князья сели в Новгороде, Изборске и Белоозере, а после смерти легендарных братьев Рюрик, княжащий в Новгороде, раздает «мужам» «овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро» (ПВЛ. Ч. I. С. 18). Возможно, летописец исходил при составлении списка городов из современных ему реалий²¹ (конца XI — начала XII в.), но список племен, центрами которых были перечисленные города, соответствует «ряду» о призвании и дальнейшим договорным отношениям с древнейшей русью: это словене (Новгород), кривичи (Изборск, Полоцк), меря (Ростов). Белоозеро — центр веси — может быть, возникло в списке потому, что летописец (а за ним и многие позднейшие исследователи) понял договорную формулу «чюдь, словене, кривичи и вси» как «кривичи и весь». Для нас важнее, что власть Рюрика, по летописи, распространялась на те же племена, с которых брали дань варяги, с одним существенным дополнением: Рюрик «обладал» также муромой. Территория муромы в IX в. — это не медвежий угол: мурома сидела по Оке — оживленной магистрали, по которой шли серебряные монеты с Дона (территория Хазарии) на Балтику в IX—X вв. Русь стремилась к контролю над важнейшим торговым путем. Но к юго-западу от муромы на Оке сидели вятичи, а они платили дань хазарам. Лишь через столетие — в 960-е годы Святослав покорил вятичей — это было началом его антихазарской кампании. Во времена Рюрика о столкновении с хазарами не говорится, но последующие действия руси свидетельствуют об активизации поисков путей в обход Хазарии.

Согласно летописи, после утверждения Рюрика в Новгороде два его «боярина» (дружинника) — Аскольд и Дир — «испросились» идти на Царьград. Они пошли по Днепру, где впервые увидели Киев, население которого платило дань хазарам. Аскольд и Дир со своими варягами (русью) обосновались в городке и стали владеть «Польской (полянской) землей». Можно лишь гадать об отношениях этих варягов с хазарами: возможно, поход на Царьград был выгоден Хазарии, и та терпела присутствие руси в Киеве. Так или иначе, этим присутствием, по летописи, воспользовались наследники Рюрика.

Олег, дядька малолетнего княжича Игоря, в 882 г. направляется с ним и войском из варягов, чуди, словен и «всех кривичей» из Новгорода в Киев и, узнав, что там «княжат» Дир и Аскольд, обличает их как узурпаторов («Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа») и убивает их. Сам он садится княжить в Киеве и провозглашает его «матерью городов (метрополией) русских». Летописец добавляет — «беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью» (ПВЛ. Ч. I. С. 20). При исследовании этого пассажа принято ссылаться на А. А. Шахматова²², считавшего изначальным (отражавшим Начальный свод, предшествующий ПВЛ) текст НПЛ, где сказано: «беша у него варязи мужи словене, и оттоле... прозвашася русью» (НПЛ. С. 107); почему-то из этой фразы заключают, что имя «русь» получили варяги и словене лишь с тех пор (оттоле), как они появились в Киеве²³. Однако сами летописные формулировки убеждают в обратном — ср. ПВЛ (С. 21): «угри прогнаша вольхи и наследиша землю ту... и оттоле прозвася земля Угорьска». Завоеватели приносят свое имя на завоеванную землю: так и русь принесла свое имя на землю, называвшуюся «польской» (Полями — НПЛ. С. 106). Летописец в ПВЛ указывает на распространение этого названия на всю дружину Олега, включавшую уже не только варягов, но и словен (и прочих).

Далее говорится о том, что Олег стал строить города (традиционное занятие князей в понимании летописца) и «устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новгорода... мира деля» (ПВЛ. Ч. I. С. 20). Таким образом, Олег подтверждает своим уставом договор («ряд») с северными племенами. Но сам князь обосновывается на юге, в Киеве, и его усилия направлены на покорение южных племен. Первым делом он подчиняет независимых древлян в правобережье Днепра, а затем обращается против левобережья, входящего в сферу влияния Хазарского каганата. Он возлагает «легкую дань» на северян, заповедав им не давать дани хазарам: «Аз им противен, а вам не чему». Здесь впервые говорится о конфликте руси и хазар. Олег присваивает и радимичскую дань, но о реакции хазар летопись молчит. Это, видимо, связано с источниками русской летописи: она опиралась прежде всего на русские предания и византийский хронограф. Кроме того, как показал А. П. Новосельцев²⁴, Хазария в эти годы была занята борьбой с более близким противником — печенегами (чем, видимо, воспользовался Олег). Однако данные нумизматики указывают на то, что реакция со стороны хазар все же не заставила себя ждать.

В 60-е годы IX в. наблюдается определенная активизация восточной торговли — усиливается приток восточного серебра в Восточную Европу и Скандинавию (что В. М. Потин связывал с установлением более прочных отношений между варягами и славянами — «призванием варягов»)²⁵. Американский нумизмат Т. Нунен обратил внимание на то, что в последней четверти IX в. приток монет резко сокращается, наступает первый кризис в поступлении восточного серебра; при этом кризис не связан с сокращением эмиссии в Халифате — доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата²⁶. Не менее показательны, что тогда же — не ранее первой четверти X в. — первые клады дирхемов появляются в самом Киеве: в IX в. Среднее Поднепровье оказалось вне сферы русской восточной торговли²⁷.

Тем временем Олег активизирует византийскую политику и заключает (после похода) выгодный торговый договор 911 г. Возможно, легендарный поход Олега на Царьград (907 г.) способствовал улучшению русско-хазарских отношений: во всяком случае, именно после 907 г. (между 909 и 914 гг.) хазары пропустили русь в грабительский поход на Каспий, против своих мусульманских противников²⁸. Исследователи (М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, Г. С. Лебедев и др.) давно обратили внимание на взаимосвязь восточных и византийских походов руси — к X в. Русское государство включается в геополитическую систему Евразии. При этом положение руси «меж двух огней» и одновременно объектов экспансии — Хазарии и Византии, естественно, не могло быть стабильным: после

(инспирированного Хазарией?) похода на Каспий возвращающаяся русь была перебита мусульманской гвардией кагана. Так или иначе, традиционный путь, которым направлялся в Восточную Европу поток восточного серебра, — через Кавказ и Хазарию — не был восстановлен.

Соответствие данных нумизматики летописному рассказу чрезвычайно важно не только для понимания русско-хазарских отношений. Оно свидетельствует также об относительной точности летописных датировок: дело в том, что древнейшие летописные известия в соответствии с византийской хронографической традицией не были разбиты на записи по годам — эту разбивку устанавливали, опираясь на византийский хронограф, а затем и на договоры с греками, составители и редакторы Начального свода и ПВЛ. Эти даты не могли не быть условными. Опорной датой являлся договор 911 г. (косвенно существование этого договора подтверждается данными «Истории» Льва Диакона, VI, 10)²⁹, возможно даже, что летописец учитывал в качестве основания для летописной хронологии византийскую традицию заключения мирного договора на 30 лет (ср. поход Олега на Киев в 882 г., договор с греками в 911/12 г., следующий поход на греков Игоря в 941 г., договор Святослава в 971 г.), но в целом время вторжения руси в сферу влияния Хазарского каганата (определенное летописцем) и блокада хазарами русской торговли совпадают.

Тем не менее именно летописная трактовка этого периода русско-хазарских и русско-византийских отношений подверглась сомнению, что способствовало появлению в историографии целого цикла представлений о событиях в Киеве и на юге Руси, расходящихся с летописью. Основой для сомнений в достоверности летописной истории послужило, собственно говоря, совпадение имен князя Олега и загадочного правителя руси Хлгу, упомянутого в так называемом Кембриджском (еврейско-хазарском) документе X в.³⁰ Деятельность этого правителя («мэлэк») относилась к царствованию Романа I Лакапина (920—944 гг.) — он и спровоцировал нападение руси на хазарские города в Северном Причерноморье. Но Хлгу был разбит хазарским военачальником Песахом, который в свою очередь направил русь на Константинополь, где Хлгу был разбит окончательно, бежал за море (в Персию?) с остатками войска и там погиб. Само по себе совпадение имен ни о чем не говорит: имена Олег (как и скандинавское Хельги) были распространены (часто одновременно) и в русских, и в скандинавских княжеских родах. О том, что у руси при Олеге и Игоре было несколько князей-«архонтов», свидетельствует и текст договора 911 г., и сведения, сообщаемые Константином Багрянородным³¹. Но ориентация на поиск «совпадений» отдельных имен или известий (ср. упомянутые поиски «исконной руси» лишь на основе случайных созвучий) приводит к запутыванию ситуации. Дело в том, что в НПЛ, отражающей, как уже говорилось, Начальный свод, поход Олега на Царьград отнесен к 922 г., что «совпадает» с царствованием Романа I. И хотя на этом совпадения кончаются, ибо поход Олега изображен победоносным, неудачный поход на Царьград при Романе и по русским, и по греческим источникам совершил Игорь (и было это в 941 г.), хотя Шахматов давно объяснил происхождение ошибки в датах НПЛ³², магия совпадений не дает покоя некоторым исследователям и заставляет их игнорировать прямые указания источников. Так, О. Прицак в последних работах предлагает другую датировку (вслед за В. А. Пархоменко) княжения Олега и Игоря: первый правит в 920-е годы, последний захватывает Киев лишь в 930-е годы, причем приходит с юга из мифической Боспорской Руси, которая и оказывается базой для походов на Византию³³.

Эти построения неприемлемы не только потому, что Боспор Киммерийский (и пресловутая Тьмутараканская Русь X в.) как предполагаемая база Игоря — результат неверного чтения «Истории» Льва Диакона (как показал еще П. О. Карышковский³⁴). Дело в том, что эти попытки вынесения «базы» руси за пределы собственно Русской земли игнорируют важнейшие данные и русских, и византийских источников о славяно-русских отношениях, о формировании Русского государства. Мы видели, что ПВЛ характеризует эти отношения как уста-

новление дани («ряд» Рюрика и «устав» Олега), которую славяне платят руси. Олег изображается освободителем славян от хазарской дани. Однако этим русско-славянские отношения не ограничиваются: славянские племена (как и «чудские») участвуют в войске Олега, идущего на Киев, а затем и на Царьград; в описании похода различаются русь как княжеская дружина и словене как рядовое войско. Эти отношения продолжают развиваться при Игоре, причем летопись здесь существенно дополняется сведениями трактата Константина Багрянородного «Об управлении государством». Составленный в середине X в. трактат описывает в IX главе ситуацию на Руси (Росии) в княжение Игоря. Ежегодно весной русь (росы) собирает ляды-однодеревки, которые приводят на Днепр и п р о д а ю т славяне из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Однодеревки сходятся в крепости Киева, называемой Самватас (видимо, еврейско-хазарский ойконим); в июне росы по Днепру отправляются в Византию. Зимой «все росы» (ср. «всю русь» в ПВЛ) выходят со своими архонтами из Киева в полюдые и кормятся у славянских племен — древлян, дреговичей, кривичей, северян и др. Славяне названы Константином «пактиотами» — данниками росов, но из текста видно, что речь идет не только о дани (кормлении), но и об «обмене услугами» — продаже однодеревок. Так или иначе даннические отношения — «пакт» и во времена Игоря основывались, судя по всему, на д о г о в о р е. Нарушение этого договора привело к гибели Игоря в 945 г.: древляне, с которых князь дважды хотел собрать дань, восстали и казнили Игоря³⁵ (по летописи они назвали князя «волком» — традиционное название преступника у многих европейских народов). Прав был Б. А. Рыбаков, непосредственно связавший внешние — торговые и военные — предприятия Руси в X в. с внутривнутригосударственной системой полюдыя³⁶: без этой базы никакие походы не были бы возможны. Тот же автор обратил внимание на связь списка городов, откуда приходили к росам однодеревки, с перечнем славянских племен-пактиотов (данников): Смоленск — центр кривичей, Чернигов (и Любеч) — город северян. Норманны, считал Б. А. Рыбаков, не смогли овладеть славянскими городами (за исключением Киева, захваченного на короткий срок Олегом): недаром Олег останавливается перед захватом не в самом городе, а на урочище Угорском, к югу от Киева, прикидывается купцом — «подугорским гостем». Под Смоленском, поворотным пунктом полюдыя, маршрут которого реконструирован Рыбаковым, расположен крупнейший древнерусский курганный некрополь и поселение, которые этот исследователь считал остатками дружинного «лагеря-города» — Гнёздово. Хотя соотношение Гнёздова и Смоленска (в котором известны лишь единичные находки X в.) дискутируется³⁷, в целом ситуация на Руси в X в. действительно характеризуется определенным «дуализмом» дружинных и городских центров: Новгород в X в. сосуществует с соседним Городищем — древней резиденцией русских князей³⁸, под Черниговом располагается относительно небольшое, но яркое по культуре поселение и некрополь в Шестовице; в Верхнем Поволжье некрополи и поселения с «дружинными древностями» располагаются в непосредственной близости от Волги (вокруг будущего Ярославля) в отличие от городов — Ростова и Суздаля, стоящих «в глубинке», на ответвлениях Волжского торгового пути.

Все эти некрополи и поселения, расцвет которых приходится на середину — вторую половину X в., объединяются характерными этнокультурными чертами: 1) они развиваются под сильнейшим воздействием скандинавской культуры эпохи викингов — «местные» традиции в их быте связаны по преимуществу с керамическим производством, домостроительством, деталями костюма, общими для всей Восточной Европы; 2) наиболее яркие, прежде всего погребальные, комплексы, содержащие наборы вооружения, со сложным обрядом и т. п. указывают на принадлежность социальных верхов, обитавших на перечисленных поселениях, к дружине; 3) связи указанных памятников не замыкаются на Скандинавии — они ориентированы и на Восток в самом широком смысле: находки арабских и византийских монет и других предметов импорта сочетаются с салтовской — «хазарской» ременной гарнитурой, предметами вооружения и даже обрядами,

характерными для степняков (о чем специально — ниже); 4) наконец, связи этих памятников направлены отнюдь не только вовне — они имеют достаточно отчетливый внутрисударственный, внутрирусский характер — чему уделяется недостаточно внимания в современной литературе³⁹. Самые большие курганы Гнёздова с характерными для Скандинавии (и древнейшей руси) обрядами сожжения в ладье и т. п. имеют ближайшие аналогии не на севере Европы, а в Чернигове, где при сооружении таких же больших курганов практиковался идентичный обряд погребального пира вокруг ритуальных котлов. Территории кривичей (где расположено Гнёздово) и северян (Чернигов) были связаны системой полюдья — очевидно, что и представители дружинных верхов, контролирующих сбор дани, были связаны едиными традициями, а возможно, и родством. Эти связи усиливаются с распространением дружинного обряда захоронений в камерных гробницах: этот обряд характерен для некрополя самого Киева, Шестовицы и вообще Черниговщины, а в последние годы камерные гробницы открыты также в Гнёздове и Тимереве (Верхнее Поволжье), в Пскове и др. Возникновение самого обряда связывают с норманнами — недаром древнейшая камерная гробница на Руси (конец IX в.) открыта в Ладоге, главных «воротах» Варяжского моря, но развивается он под воздействием восточноевропейских традиций и распространяется во второй половине X в.: гнёздовские и тимереvские камеры датируются 970-ми годами.

Перечисленные древнерусские памятники X в. интерпретируются по-разному — одни («норманисты») считают их свидетельством скандинавской колонизации, другие — «местными» торговыми центрами. Присутствие на этих поселениях дружинников скандинавского происхождения — руси — заставляет внимательнее отнестись к данным аутентичных источников X в., прежде всего Константина Багрянородного: в середине X в. «росы» еще сохраняли скандинавскую лексику (судя по противопоставлению «росских» и «славянских» названий днепровских порогов). Эти памятники, таким образом, могли быть связаны с деятельностью дружины «росов» — руси. Наиболее очевидными эти связи становятся с распространением камерных гробниц, после того как общерусское полюдье претерпевает кризис (восстание древлян и казнь Игоря). Последующие события позволяют прояснить основные функции «дружинных» поселений.

Вдова Игоря Ольга расправляется с древлянами, но после этого проводит реформу — устанавливает фиксированную дань и систему *п о г о с т о в* — пунктов, куда свозится дань. В эпоху Ольги, по данным археологии, действительно расширяется сеть поселений, которые можно отождествить с погостами⁴⁰, и упрочивается связь старых дружинных «станов» с Киевом. Об этой связи свидетельствует, в частности, характерная трансформация обряда погребения в камере: традиционным для Скандинавии было размещение коня в ногах погребенного, но в ряде комплексов Киева, Черниговщины и Гнёздова кони помещены сбоку, как было принято у кочевников. О связи русской (и шире — русско-«варяжской») дружинной культуры с кочевым миром уже говорилось — салтовские поясные наборы, упряжь, некоторые виды вооружения были заимствованы на Руси и восприняты (при ее посредстве) в Скандинавии⁴¹. Но влияния в обрядовой сфере не могли быть чисто «внешними»: об этом свидетельствует, в частности, обряд и инвентарь самого большого русского кургана — Черной могилы в Чернигове. Этот курган датируется 960-ми годами, временем князя Святослава; о его принадлежности знатному русскому дружиннику скандинавского происхождения свидетельствует и упомянутый ритуальный котел, и расчищенная недавно статуэтка скандинавского сидячего божка, игральные фишки и т. п. Однако замечательные (и древнейшие) памятники русского прикладного искусства — оковки питьевых рогов — свидетельствуют о «восточном» влиянии. Особенно показателен мотив состязания двух лучников — простоволосого и с волосами, заплетенными в косу: такие же прически имеют борцы, изображенные на хазарском ковше из Коцкого городка; мотив, видимо, связан с сюжетом борьбы за власть «священного царя» — кагана. Питьевые рога входили в комплекс, связанный с погребальным пиром,—

располагались под двумя кольчугами и шлемами рядом с котлом и бронзовым идольчиком: по ритуалу этот комплекс можно было бы считать «варяжским». Но сам комплекс располагался не на кострище, где была совершена кремация, а на вершине первичной насыпи (накрытой при досыпке кургана глиняной «шапкой») — ритуал, свойственный именно черниговским курганам⁴². Кроме того, на самом кострище прочее оружие — два меча, два копья, сабля и др., конская упряжь были сложены в груды: ритуал, не свойственный норманнам, но известный по другим большим черниговским курганам — Гульбищу и кургану «княжны Черны» (где груды вооружения помещались на вершине первичной насыпи). П. Н. Третьяков указал на аналогии этим ритуалам в салтовских древностях и более ранних (упомянутых выше) памятниках типа комплекса у с. Вознесенка⁴³.

Представляется, что дело здесь не просто в традиционной полиэтничности дружинной культуры. В сооружении больших курганов должны были принимать участие многие жители Чернигова, но очевидно, что и к совершению ритуалов были допущены не только собственно русские дружинники: обряды с оружием совершали люди, знакомые с салтовскими (хазарскими) обычаями и, видимо, считавшие их «своими». То же обстоятельство следует иметь в виду и при интерпретации обрядности камерных гробниц с конями, расположенными в соответствии с кочевническими обычаями на юге Руси и в Гнёздове (в последних работах исследователи Гнёздова предполагают присутствие там выходцев из Хазарии⁴⁴). Выходцы из Хазарии и — шире — кочевого мира степей (в IX—X вв. это венгры и печенеги), очевидно, наряду с норманнами входили в русскую дружину и принимали участие в формировании ее культуры (об этом свидетельствуют и данные антропологии⁴⁵).

Собственно говоря, присутствие выходцев из Хазарии в русских городах — факт вполне естественный и подтверждаемый письменными источниками. Помимо знаменитого письма X в. из Киева, адресованного членами еврейско-хазарской общины некоему хазарскому чиновнику, в самой летописи при описании договора Игоря с греками (944 г.) упомянуты «Козаре» — видимо, квартал в древнем Киеве⁴⁶, где располагалась и христианская церковь Ильи — «мнози бо беша варязи християни» (ПВЛ. Ч. I. С. 39). Нет ничего удивительного, что в Чернигове, центре Северной земли, платившей, как и полянский Киев, дань хазарам, было хазарское (салтовское) население. Существенно, во-первых, что это население принимало участие в ритуалах господствующего слоя Руси — а господствующий слой воспринимал «хазарские» ритуалы (причем, очевидно, ритуалы «царские» — напомним о претензиях русских князей на титул кагана). Во-вторых, присутствие в Чернигове выходцев из Хазарии, видимо, объясняет не только этнокультурную, но и политическую ситуацию в северянской земле: дело в том, что несмотря на очевидное господство в Чернигове русской дружины, подвластной киевскому князю⁴⁷, в 16 км к юго-западу от города (в киевском направлении) по Десне расположен погост в Шестовице — дополнительный контрольный пункт возле центра Северной земли.

Соперничество Руси и Хазарии продолжалось. После упомянутого разгрома Хлгу, по утверждению Кембриджского документа, Русь попала «под власть хазар». О. Прицак склонен относить это известие к 20-м годам X в., но оснований для пересмотра летописной истории нет; двойная неудача руси в Византии и на Каспии произошла в 40-е годы при Игоре. Неясно, был ли и поход на Каспий Хлгу инспирирован Хазарией, но существенно, что в походе, по данным сирийского автора XIII в. Бар Гебрея, наряду с русью принимали участие аскалиба (славяне), аланы и лезгины. А. П. Новосельцев предполагает, что русь выступала в союзе с народами Северного Кавказа⁴⁸: отметим, что аланы составляли значительную часть населения Хазарии и обитали не только на Северном Кавказе, но и в лесостепи, на Дону и Северском Донце — им приписывается лесостепной вариант салтовской культуры; здесь практиковался и известный в Северной земле обычай складывания оружия и упряжи в груды⁴⁹. Само название славянского племени «северяне» (ср. Северский Донец и т. п.),

очевидно, имеет иранское происхождение⁵⁰. Черниговская (Северская) земля в XI и даже в XII в. сохраняла традиционные связи с Хазарией (ср. поход Игоря, князя Новгород-Северского, с целью «поискати града Тьмутороканя») и Северным Кавказом. Но неудачи походов 40-х годов X в., видимо, давали повод хазарам считать Русь покорной их власти⁵¹.

Тем временем Ольга, дав фиксированные «уроки и уставы» подвластным славянским племенам, как и Олег, активизирует византийскую политику, принимает крещение в Царьграде. В русле провизантийской политики действует первоначально и Святослав, что, очевидно, развязывает ему руки на Востоке. А. Н. Сахаров отмечает, что в 964 г., когда русский вспомогательный отряд (в соответствии с договором 944 г.) сражается на стороне греков в Сицилии, Святослав идет в поход на вятичей — последнее славянское племя, остающееся под властью Хазарии⁵².

Понимание последующих событий во многом зависит от чтения летописи. Как уже говорилось, разбивка начального текста на погодные записи проводилась в несколько этапов, часто искусственно: ранние известия записывались в хронографической манере, когда под одним годом записывались события нескольких лет. Так и с первым походом Святослава: под 964 г. сначала описан характер князя, затем сразу — поход. «Иде на Оку и на Волгу, и налезе вятичи и рече вятичем: „Кому дань даете?“ Они же реша: „Козаром“ ... (965 г.). Иде Святослав на козары; слышавше же козари изидоша противу с князем своим каганом... одоле Святослав козаром и град их (и) Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы (966 г.). Вятичи победи Святослав и дань на них възложи». При разбивке на годы получается, что Святослав совершал ежегодные походы. Но уже из зачина, где говорится, что князь пошел на Оку и Волгу, ясно, что имеется в виду один поход — на Волге жили булгары и хазары, а не вятичи. Узнав о том, что вятичи подчинены хазарам, князь двинулся на Волгу на хазар и там сразился с самим каганом, взял их град (столицу Атил?) и Белую Бежу (Саркел — уже на Дону!), победив ясов (аланов) и касогов. В Ипатьевском списке добавлено, что князь «приде к Киеву», в НПЛ — что Святослав «приведе» (подчинил) к Киеву ясов и касогов; видимо, тогда под власть Киева попала Тьмутаракань⁵³. Разгрому, судя по всему, подвергся домен кагана — «кочевье», описанное в письме царя Иосифа, с Саркелом на западном рубеже и Итилем (Атил) — зимовищем⁵⁴. Стало быть, князь совершил, по летописи, круговой поход по владениям хазар, пройдя с Нижней Волги на Дон, и вернулся в Киев. Появлению последующей записи под 966 г. о втором походе Святослава на вятичей мы, видимо, обязаны также позднейшей разбивке текста «Начального свода». Видимо, поход, приведший к покорению вятичей — завершению дела, начатого, по летописи, при Рюрике и Олеге⁵⁶, — и разгрому Хазарии, был единым предприятием.

Нет оснований вслед за А. А. Шахматовым⁵⁷ переименовывать маршрут Святослава, направляя князя не по Оке, а сразу на Нижнюю Волгу: Ибн Хаукаль, описавший разгром каганата русью, подтверждает летописный маршрут — Русь опустошила сначала город Болгар, землю буртасов, а затем другие города и Атил (Итиль). Тот же автор говорит, что Русь отправилась «сразу после этого в страну ар-Руми (Византию) и ал-Андалус». Вряд ли здесь он мог путать Болгарию Волжско-Камскую и Дунайскую (как предполагал еще В. В. Бартольд⁵⁸) — последовательность военных действий руси у него совпадает с летописной. Не вполне совпадает хронология, но в летописи она условна (и вторична), а у Ибн Хаукаля (согласно тому же Бартольду) относительна: разгром Хазарии и поход на Рум он относит к 358 году хиджры (ноябрь 968 — ноябрь 969 г.), по византийским источникам⁵⁹, Святослав появился на Дунае в августе 968 г. (а не в 967, как в летописи). В 969 г. князь не мог пойти на Хазарию, так как в июле-августе был уже в Болгарии (летопись при разбивке начального текста на даты отнесла этот поход к 970 г.), а до того он отгонял осадивших Киев печенегов.

Исследователи, предполагавшие два похода руси на Хазарию в 965 и 968/69 г., были сбиты с толку условными летописными датами: ни летопись, ни другие источники не дают оснований для выделения двух походов. Предположение о том, что поход руси в 969 г. — это самостоятельное предприятие норманнов, справедливо было отвергнуто еще М. И. Артамоновым: во второй половине X в. ар-рус — это уже безусловно выходцы из Киевской Руси⁶⁰.

Уже славянское имя князя — Святослав — равно как и отсутствие в описании его войска, как в византийском, так и в летописном, противопоставления руси («росов») и славян, свидетельствуют наряду с данными археологии⁶¹ об интеграции руси в восточнославянское общество. Во второй половине X в. Русь — государство в Восточной Европе, стремящееся унаследовать и расширить власть своих предшественников: двойная цель внешней политики Святослава — утверждение на Дунае, официальной границе Византии (одна из парадигм русской государственной истории), и устранение главного соперника на Востоке — Хазарского каганата — как видим, превышала задачи объединения восточнославянских земель. Варяги привлекались русскими князьями прежде всего для далеких походов. В этом отношении сведения о походе на Рум и ал-Андалус, совершенном, по Ибн Хаукалю, русью немедленно после разгрома Хазарии, напоминает о раннем походе ар-рус — норманнов — на Севилью в 844 г. Правда, В. В. Бартольд считал, что это — случайное совпадение: арабский автор «произвольно связал между собой такие события, как поход русов на Итиль и Семендер и поход норманнов к берегам Испании» (в Галисию) в 970 г. (в 971 г. арабский флот вышел на защиту Севильи)⁶²; кроме того, норманнские рейды на Испанию были совершены также в 966 и 968 гг. (когда русь появилась на Балканах). Однако в описании ПВЛ путь «из варяг в греки и из грек» как раз огибал Европейский континент и, видимо, был привычным и для руси, и для варягов. Так или иначе, поход на Хазарию Святослав должен был совершить, по всей вероятности, до середины лета 968 г. (Б. А. Рыбаков вслед за летописцем предполагает, что на его осуществление понадобилось не менее 3 лет — с зимовками на Волге и Северном Кавказе.)

Для понимания дальнейшей истории русско-хазарских отношений существенны данные восточных авторов о пребывании руси на Нижней Волге (оттуда уже в 980-е годы призвал русь в Дербент местный правитель⁶³); впрочем, факт этот не столь уж удивителен, если вспомнить о существовании русской и славянской общин в Атиле еще в середине X в. (по ал-Масуди). Во всяком случае, Саркел — Белая Вежа и Тьмутаракань становятся русскими городами. Реплика летописца конца XI — начала XII в. «володеют бо козары руськийи князи и до днешного дне» имела все основания.

Вместе с тем упрочением Древнерусского государства и новым пониманием его внешних и внутренних целей при Владимире (после краха «империалистической» политики Святослава) меняется отношение к экзогенным факторам государственного развития — в том числе к варягам и хазарам (равно как и к Византии). Русские князья не раз призывали варягов из-за моря, и те вливались в их дружину (русь), но при Владимире произошел конфликт с варягами, демонстрирующий перемены в их положении. В 980 г. при помощи варягов Владимир, княживший в Новгороде, захватывает Киев: варяги требуют откуп с захваченного города (ср. устав Олега), но Владимир тянет время, обещая собрать деньги, а когда варяги понимают, что откупа им не будет, и просят на Царьград, князь отправляет с ними послание императору, где советует не держать наемников вместе в столице. Сам он также отбирает среди варягов «мужей добрых, смысленых и храбрых» и раздает им грады (ПВЛ. Ч. I. С. 56). Дело здесь не только в изменившемся отношении русского князя к варягам как к «чужакам» — дело и в возросшем значении русских городов (в данном случае Киева), что ясно из последующего решительного шага Владимира — новой общегосударственной реформы, следовавшей сразу за крещением Руси в 988 г.

Прежние «уставы» Олега, Игоря и Ольги поддерживали систему погостов для сбора дани. В 988 г. Владимир раздал сыновьям города Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, Тьмутаракань и др. (ПВЛ. Ч. I. С. 83), поздние летописи добавляют к этому списку и Смоленск. Киев, Чернигов и Переяславль, как показал А. Н. Насонов, составляют великокняжеский домен в Среднем Поднепровье. Археологией действительно засвидетельствовано интенсивное развитие русских городов во второй половине X в.: последними раскопками слои X в. открыты в Суздале, Ростове и других городах. Материальная культура — усадебная застройка, срубная строительная техника и т. п. — отличается от культуры погостов, имеет отчетливо славянский облик. Сами же погосты к концу X — началу XI в. прекращают свое существование: в этот период нет слов на Городище под Новгородом, в начале XI в. дружина князя Ярослава стоит в самом городе (на «Поромонем дворе», НПЛ. С. 174). В Ростовской земле тот же князь в начале XI в. строит Ярославль, защищающий доступ с Волги к Ростову, — отпадает нужда в погостах Верхнего Поволжья. Погост в Гнездове превращается в феодальную усадьбу. Погост в Шестовице под Черниговом, видимо, прекращает свое существование еще ранее, после разгрома Хазарии. Сеть погостов отмирает, княжеская власть упрочивается непосредственно в русских городах⁶⁴.

Этому «базисному» социально-экономическому (и политическому) аспекту развития древнерусской культуры соответствовали перемены в духовной жизни общества, завершившиеся крещением Руси. Утвердившись в Киеве и выяснив отношения с варягами, Владимир учреждает «пантеон»: «постави кумиры на холму... Перуна... и Хьрса, Дажьбога и Стрибога и Симаргла и Мокошь» (ПВЛ. Ч. I. С. 56). Исследователи давно обратили внимание на то, что в пантеоне нет «варяжских» божеств: «варяжская» русь, судя по договорам с греками, начиная с Олега, клялась славянским Перуном. Дело здесь не только в известной восприимчивости викингов к местным культам, но и во вполне определенной ориентации на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях с Византией и Халифатом (ср. данные Ибн Хордадбеха о том, что переводчиками ар-рус уже в IX в. были славяне). Обращает на себя внимание, особенно в последнее время, тот факт, что летописный список «владимирских богов» лишь «окаймлен» собственно славянскими божествами (Перун и Мокошь), прочие же, по наблюдениям В. Н. Топорова и других исследователей, относятся к иранским (Хорс) или могут рассматриваться как славянские «кальки» с индоиранского⁶⁵ (ср. также давнее сопоставление Симаргла с иранским Сэнмурвом). В этом нет ничего удивительного — иранский этнокультурный компонент (как уже говорилось) был достаточно силен и в самом Киеве, и в Северной земле, и в салтовской культуре; собственно хазарская культура также развивалась под сильнейшим воздействием иранской традиции; происхождение самого имени рода Ашина (а может быть, и этнонима «хазары»), искусство, восходящее к сасанидскому (а некоторые мотивы — к древнеиранскому и скифскому), и т. д. указывают на вековое воздействие иранской цивилизации. Включение в древнерусский пантеон иранских (славяно-иранских) божеств связано с этим воздействием, не в последнюю очередь — с хазарским наследием: под контролем Руси оставались Саркел — Белая Вежа и Тьмутаракань⁶⁶ — там князь посадил своего сына Мстислава.

Этот «тьмутараканский» (хазарский) фактор играл некоторую роль в истории Руси и в XI в. (и, судя по «Слову о полку Игореве», в XII в.): во время усобиц после смерти Владимира Мстислав приходил с дружиной из хазар и касогов на Ярослава, тот с призванными из-за моря варягами потерпел поражение, но Мстислав уступил Киев «старейшему», а сам обосновался в Чернигове. Русская земля была поделена «по Днепру», что, видимо, также было обусловлено хазарским наследием, но сами хазары превратились из внешнего во «внутригосударственный» фактор. Последний раз они упомянуты в ПВЛ под 1089 г. — князь Олег распорядился с ними в Тьмутаракани.

Активная роль варягов, по летописи, завершилась еще ранее: в 1043 г. был

совершен последний поход на Царьград. В дружине Владимира Ярославича были варяги, но они и их цели уже противопоставлены руси: русь хочет (как обычно) заключить выгодный мирный договор, варяги — грабить Царьград. Поход кончается неудачно из-за алчности варягов⁶⁷.

Снижение роли экзогенных факторов — варяжского и хазарского — в процессе становления и усиления Русского государства естественно. Противоположительно, однако, стремление принизить эту роль на ранних этапах становления русской государственности. Договорные отношения славян и руси, равно как и «хазарское наследие» на юге Руси, стали важнейшими структурообразующими факторами формирования русского государства. Славяно-варяжский (В. Т. Пашуто) и славяно-хазарский синтез осуществлялся на восточнославянской почве, основой государственности стали восточнославянские города, но структура господствующего слоя, прежде всего княжеской дружины, навсегда запечатлела следы «синтеза». Дружинное название «русь» распространяется на территорию всего государства; княжеским доменом — Русской землей в узком смысле — становится территория, с которой брали дань хазары. Правители государства, включая Владимира Святого и Ярослава Мудрого, наряду с праславянским титулом «князь» носили титул «каган». В дружинной лексике также чередуются славянские, тюркские и скандинавские термины, как и этнокультурные элементы в «материальной культуре»: ср. упомянутое обозначение дружины в договоре Святослава — «боляре и русь вся». При Владимире дружина уже «расписана» по рангам — боляре, гриди, сотские, десятские, но этнокультурные компоненты дружинной лексики сохраняются: боляре — тюркское заимствование, обозначение старшей дружины, гриди — скандинавское заимствование (младшая дружина).

Отношения участвующих в этнокультурном и государственном синтезе сторон, как мы видели, не сводились к «завоеванию» и «покорению». Для начала русской истории (и в летописном изображении, и в реконструируемых договорных отношениях руси и славян) характерно стремление к праву, правде, исчерпанию конфликтных ситуаций. Недаром «Русская правда» Ярослава, данная новгородцам после их конфликта с варягами, в первой же главе уравнивает в правах «русина» — княжеского дружинника и «словенина»: варяги в последующих главах оказываются в положении заморских гостей, нуждающихся в специальной защите⁶⁸.

Можно сказать, что варяги и хазары целиком «реализовали» себя в ранней русской истории, приняв участие в том этнокультурном синтезе, который привел к становлению Русского государства и культуры. Изучение исторических основ этого синтеза — задача, актуальная для понимания не только прошлого России.

Примечания

¹ См. Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 130—175; 1989. № 9. С. 236—252.

² Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

³ Петрухин В. Я. Легендарная история Руси и космографическая традиция//Механизмы культуры. М., 1990. С. 99—104.

См. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства//Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38; Славяне и скандинавы. М., 1986; Авдусин Д. А. Современный антинорманизм//Вопросы истории. 1988. № 7. С. 23—34; Соколов Б. В. Рец.: Ловмянский Х. Русь и норманны//Сов. этнография. 1987. № 5. С. 162—164.

⁴ Повесть Временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 18 (далее — ПВЛ, ссылки в тексте).

⁵ Леонтьев А. Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшеского клада//Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 97—98.

⁶ Рыбаков Б. А. Древние русы//Сов. археология (далее — СА). 1953. Вып. XVII. С. 23—104.

⁷ Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э.//СА. 1955. Вып. XXII. С. 61—82; ср. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 174—175.

- ⁹ Амброс А. К. О Вознесенском комплексе VIII в.— вопрос интерпретации//Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. М., 1982. С. 204—221.
- ¹⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1952. С. 25 и сл.
- ¹¹ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 252. М. Н. Артамонов предполагал даже, что «поскольку ... славяне овладели Средним Поднепровьем с согласия хазар и при их содействии, они оказались данниками Хазарского каганата»: Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении//СА. 1990. № 3. С. 277.
- ¹² Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя//История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.
- ¹³ Ср. Ловмянский Х. Указ. раб. С. 176.
- ¹⁴ Там же. С. 195—196.
- ¹⁵ Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ад-Факиха)//История СССР. 1986. № 4. С. 79—80.
- ¹⁶ Appales Bertiniani. Rec. G. Waitz. Hannoverae, 1883. P. 19—20.
- ¹⁷ Носов Е. Н. О новых скандинавских находках в Приильменье//XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1989. С. 140—141.
- ¹⁸ Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права//Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 223.
- ¹⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1989. М., 1991.
- ²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 106 (далее — НПЛ, ссылки в тексте).
- ²¹ Ср. Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов//Вопросы истории. 1991. № 6. С. 3—15.
- ²² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 299.
- ²³ Ловмянский Х. Указ. раб. С. 168; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 299.
- ²⁴ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 210—211.
- ²⁵ Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.)//Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. С. 69.
- ²⁶ Noonan Th. The first major silver crisis in Russia and the Baltic c. 875 — c. 900//Hikuin. 1985. № 11. P. 41—50.
- ²⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 123—124.
- ²⁸ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 212—215.
- ²⁹ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 57. Комментарий С. 200.
- ³⁰ См. новый перевод Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 216—217; переиздание: *Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew documents of the tenth century.* Ithaca: London, 1982. P. 75 ff.
- ³¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. Комментарий. С. 329.
- ³² Ср. Повесть Временных лет. Ч. II. С. 262—263.
- ³³ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 69 ff.
- ³⁴ Карышковский П. О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси//Византийский временник. 1960. Вып. XVIII. С. 42.
- ³⁵ См. Константин Багрянородный. Указ. раб.
- ³⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. С. 319 и сл.
- ³⁷ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предмиссии древнерусского города//История СССР. 1979. № 4. С. 100—112.
- ³⁸ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- ³⁹ Из последних работ см.: Славяне и скандинавы; Смоленск и Гнёздово. М., 1991.
- ⁴⁰ Петрухин В. Я. О функциях раннегородской сети в становлении Древнерусского государства//Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 26. М., 1987.
- ⁴¹ Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов//Скандинавский сборник. Вып. XXII. Таллинн, 1977. С. 159—173.
- ⁴² Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 11. М.; Л., 1949. С. 14—53.
- ⁴³ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. М., 1970. С. 104—110.
- ⁴⁴ Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1982. № 1. С. 75.
- ⁴⁵ Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных//Вопросы истории. 1974. № 3. С. 56—67.
- ⁴⁶ *Golb N., Pritsak O.* Op. cit. P. 57—58.
- ⁴⁷ Погребенные в больших черниговских курганах не были князьями, как и погребенные в больших курганах Гнёздова, — полюдь с северян и кривичей собирал киевский князь, в Чернигове и Гнёздове, видимо, сидели его воеводы (см. Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989).
- ⁴⁸ Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Русь//Введение христианства на Русь. М., 1988. С. 63.

- ⁴⁹ Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии//СА. 1990. № 2. С. 83.
- ⁵⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах//Славянские древности. Киев, 1980. С. 30.
- Ал-Масуди сообщает в середине X в. о руси и славянах, служащих в войске хазарского царя (Новосельцев, Хазарское государство... С. 121).
- ⁵² Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 69—97.
- ⁵³ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 220.
- ⁵⁴ Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 49—50.
- ⁵⁵ Ср.: Артамонов М. И. История хазар. С. 426—428.
- ⁵⁶ Обращает на себя внимание тот факт, что радимичи при Олеге и вятичи при Святославе платили дань хазарам «по шьягу (серебряной монете.— В. П.) от рала»; летописные пассажи, передающие установление князем даннических отношений, видимо, имели сходную структуру, и в Начальном своде читалось: «и налезе (Святослав) вятичи, и рече вятичем: «Кому дань даете?» Они же реща: «Козаром...» Победы Святослав вятичев и дань на них возложи». Ср. Шахматов А. А. Указ. раб. С. 119.
- ⁵⁷ Там же. С. 118—119.
- ⁵⁸ Бартольд В. В. Соч. 2. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 850. Ср. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах руси времен Святослава//Древнейшие государства ... 1975. М., 1976. С. 95—96; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 225.
- ⁵⁹ Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе//Византийский временник. Вып. V. М., 1952. С. 127—138.
- ⁶⁰ Артамонов М. И. История хазар. С. 426, 427.
- ⁶¹ Петрухин В. Я. О начальных этапах формирования древнерусской народности и распространения названия Русь в свете данных погребального обряда//Исследования в области балтославянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 207—216.
- ⁶² Бартольд В. В. Указ. раб. С. 850.
- ⁶³ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 228.
- ⁶⁴ Петрухин В. Я. О функциях раннегородской сети...
- ⁶⁵ Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре//Славянский и балканский фольклор. 1989. М., 1989. С. 34—42.
- ⁶⁶ «Память и похвала князю Владимиру» перечисляет победы князя над радимичами, вятичами, ятвягами, болгарами и хазарами («победи а и дань на них положи») — затем князь идет на Корсунь. Неясно, можно ли считать походы на Волгу и Корсунь единой кампанией (ср. Артамонов М. И. История хазар. С. 435); в ПВЛ походы на болгар (985 г.) и Корсунь (988 г.) разделяют 2 года, но, как уже говорилось, летописные даты условны.
- ⁶⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы//Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.
- ⁶⁸ Ср.: Зимин А. А. Феодалная государственность и Русская правда//Исторические записки. Вып. 67. М., 1965. С. 241—242.

Varangians and Khazars in Russian History

Varangians and Khazars, been to the Russians the personification of the West («overseas countries») and the East (Asian steppes), their role in the Russian history traditionally having negative evaluation in modern historiography due to old tradition of «struggle with cosmopolitanism» is analyzed by the author. He assumed that relations between East Slavs and Khazars in the South and Varangians in the North based on mutually advantageous one: tribute to Khazaria promoted protection against nomads and development of Slavonic culture on Mid-Dnieper; calling of Varangian princes and their retinue built up the foundation of legality in Ancient Russia as well as the contract relations between princes and East Slavs tribes. According to these Russian princes could pretend on Khazarian heritage in East Europe — at first on the Slaves territories of Mid-Dnieper laid under tribute of Khazaria. After submission to Oleg and Rus' these territories became prince domain or «Russian Land» in the narrow sense of concept. At the same time consolidation of the Slavs territories in the South and in the North promoted ethnocultural synthesis and assimilation of Varangians and Turks. Unity of Slavs, Varangians and Turks elements reflects primary in the culture of princes retinue what is confirm by burial custom, vocabulary («grid'», «boyars» ets.); Russian princes together with title «prince» had Khazarian title «Khagan». Varangians and Khazars realized themselves in Russian history converting from external to internal factors of development and were assimilated by Russians.

V. Ya. Petrukhin